

С. Б. Никонова¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ПЕТЕРБУРГ МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И МОРЕМ

В работе «Земля и море. Созерцание мировой истории» К. Шмитт описывает два вида цивилизаций, деятельность которых связана с освоением сухопутных либо морских просторов. Они противостоят друг другу, и, вглядываясь в это противостояние, Шмитт приходит к выводу: хотя человек — существо сухопутное, именно владычество над морем способствует обретению им силы, недоступной при деятельности на суше.

В чем же состоит эта новая сила, новое качество, сообщаемое морским господством? Из приводимых в работе исторических примеров можно сделать вывод: это новое качество есть качество глобальности, переход от локальной замкнутости на уровень мирового общения. Подобный переход Шмитт называет «революцией пространства» и свершение ее относит к истории Европы Нового времени, начиная от эпохи Великих географических открытий до становления современного глобального мира.

Цивилизации, осваивающие землю, сколь бы мощными они ни были, оказываются обреченными на пространственную ограниченность. На первый взгляд в таком описании есть нечто парадоксальное, ведь именно вода разделяет земли, делает их неведомыми друг другу, между тем как земля, легко проходимая человеком, соединяет разрозненные территории.

Но кажется, что сама возможность разметки территорий на земле устанавливает границы, между тем как текучая и как бы «ничья» вода их стирает. Земная оседлость привязывает к земле, как корни в ее глубины уходит дерево, между тем как течение воды устремляет в бескрайнюю даль. Водное сообщение облегчает торговлю и путешествия. Суша с ее разнообразным рельефом, с ее диких обитателями выступает как символ различия, выражающегося в разнообразии культурных традиций, обрядов, верований, социальных установлений, разнящихся систем мировидения. Море же создает единое пространство общения. Море подобно языку: в качестве сложной знаковой системы, чуждой смысловому содержанию разделенных сознаний, он создает тем не менее плюралистичное текучее intersubjective пространство коммуникации. Так и море, разделяя, соединяет и своим единообразием нивелирует сухопутные границы и различия.

И вот, согласно Шмитту, по крайней мере до начала освоения воздушной стихии в XX веке, тот, кто властвовал над морем, властвовал над всем миром. Кто же не был связан с морем, тот, можно сказать, выпадал из мира. Шмитт пишет: «На взгляд, определяемый исключительно морем, земная твердь, суша есть всего лишь... незахваченная территория»². Шмитт при-

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 статей в научных изданиях, в т. ч.: «Поэзия и подражание в структуре новоевропейской субъективности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «Апофатическое медиапространство» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (2012).

² Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / пер. Ю. Ю. Коринца // Точка перехода : [Электрон. ресурс]. URL:

водит слова английского путешественника и авантюриста XVII века Уолтера Рэли: «Тот, кто господствует на море, господствует в мировой торговле. А тому, кто господствует в мировой торговле, принадлежат все богатства мира и фактически сам мир». И другие, более поздние слова, характеризующие морской дух: «Всякая мировая торговля есть свободная торговля»³, отмечая при этом, что они характеризуют скорее конкретную эпоху, нежели являют собой неизменную истину. Подобный взгляд стал всеобъемлющим, когда выработанный Новым временем и подкрепленный идеями Просвещения буржуазный порядок перешел в открытую фазу своего существования. Причину смены перспективы от взгляда, бросаемого с земли в даль моря, к взгляду, бросаемому с моря на еще неизвестную и непокоренную землю, Шмитт видит в революции сознания, произошедшей в новоевропейской мысли и породившей в физике понятие пустого пространства, а в искусстве и философии — саму идею перспективы, централизованной взглядом субъекта.

Это обоснование весьма необычным образом проясняет, как и почему именно европейская цивилизация стала центром и образцом современного глобального мира. Вступая в общение с ней, любая иная традиция вовлекается в глобальное общение. Вовлекаясь же в глобальное общение, она не может избежать необходимости в обращении к его принципам. Диалог, ставший возможным благодаря обращению к морю/языку как к универсальному пространству коммуникации, вынуждает менять принципы вступивших в него сторон на диалогические.

В этом контексте феномен Санкт-Петербурга представляется собой нечто выдающееся. В упомянутой работе Шмитт приводит Россию как яркий пример сухопутной цивилизации, вступившей в схватку с цивилизацией моря. Однако схватка была бы практически безнадежной, если бы описанное превосходство универсального (морского) взгляда над локальным (сухопутным) не было учтено. И оно учитывается — через стремление России стать морской державой и тем самым стать равноправным партнером в глобальном мире, которое воплощается в строительстве Петербурга.

В работе «Внутри мыслящих миров» Ю. М. Лотман, описывая город как символическую структуру, дает определения двух типов городов по отношению к окружающему их миру. Один город — центр мира, концентрический «город на горе», выстраивающийся естественно и постепенно: «Такой город выступает как посредник между небом и землей, вокруг него концентрируются мифы генетического характера (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это “вечный город”...»⁴ Пример такого города — Москва. Другой тип — эксцентрический город, расположенный на краю культурного

<http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/schmitt02.htm> (дата обращения: 07.04.2013).

³ Шмитт К. Указ. соч.

⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семносферы. СПб., 2000. С. 321.

пространства. Этот край земли — берег моря, устье реки. Такой город, по мнению Лотмана, создается как бы вопреки природе, в борьбе с нею, он побеждает стихию, но, с другой стороны, искажает естественный порядок. Вокруг такого города формируются эсхатологические мифы, нарастает чувство обреченности, страх уничтожения. «Как правило, это — потоп, погружение на дно моря»¹. По Лотману, земля и вода являют собой две противоположные стихии, определяющие образы городов. Петербург по Лотману — город воды. Пусть и грозя уничтожением, именно вода дает городу быть, хотя, основанный на стихии, столь явно чуждой человеку, он кажется созданным намеренно как опасное противостояние с водой. «Петербургский камень, — пишет Лотман, — это камень на воде, на болоте, камень без опоры, “не мирозданию современный”, а положенный человеком»². Образ окаменевшего во мгновение усилием человеческой воли болота напоминает магическую иллюзию, вызывая к жизни образ города-призрака.

Это описание не только выражает признание связи Петербурга с осваиваемой стихией моря, но и напоминает о чуждости этой стихии, ужас перед которой проявляет себя в мифологии Петербурга. Построенный как «окно в Европу», Петербург представляет собой для России скорее прорыв, проход, чем собственно город в качестве населенного пространства. Прорыв к воде как выход в мир глобальной свободы: свободной торговли и «пустого пространства» новоевропейского мировосприятия. И в этом смысле Петербург оказывается гораздо более «водным», нежели любой другой европейский город, поскольку любой другой европейский город есть укрепление, построенное на земле, противящееся натиску плавучих странников-кораблей и отсылающее за свои пределы изнутри своих стен торговые экспедиции. При всей глобальности европейского сознания, европейский город скорее есть крепость — в противоположность странной роли Петербурга как прохода и прорыва. Хоть и начавшись со строительства укрепления, он воплотил в себе идею открытого — в сторону моря — пространства, упорядоченность которого тает по мере приближения к берегу и, наконец, теряет всякую определенность (быть может, не случайно берег моря лишен здесь набережных и четкой линии,

но до сих пор словно бы опасливо оставляется под свалки, пустоши и скрытые от повседневной городской жизни портовые работы). В этом смысле, как город воды, как город разомкнутого пространства, Петербург ни в коей мере не является подобием какого-либо европейского города, хотя и несет в себе черты стиля каких угодно европейских городов. Скорее он есть квинтэссенция европейского духа, перенесенная на чуждую почву, и потому тем более явная, ведь в качестве прохода он представляет собой пустое пространство, равно чуждое обоим мирам, которые соединяет. Но это пустое пространство, представленное в форме города, есть наиболее явное выражение порыва к стиранию различий в единой перспективе универсального пространства.

Петербургский поэт А. Скидан в эссе «О пользе и вреде Петербурга для жизни» указывает на «вторичность» замысла Петербурга по отношению к европейским столицам, характеризуя его как подражание какому-то неопределенному «европейскому» образцу. «Своим обликом он напоминал то новый Амстердам, то северную Венецию, то Париж, то Афины, то Рим, но как-то фрагментарно, местами, постоянно ускользая от определения собственной сущности, не совпадая с самой собой... В целом же Санкт-Петербург являл постороннему наблюдателю некий полуфантастический собирательный образ европейской столицы вообще или, скажем так, “европейскости”»³. Но по сути еще более верным будет обратное: именно Петербург заставляет видеть характерные европейские черты в других городах, так что при сравнении скорее не он оказывается похожим на них, а именно они на него: во всех европейских городах есть что-то, напоминающее Петербург. И если судьба развития новоевропейского мышления оказалась движением от создания глобального пространства на основе завладения единым пространством моря как условия торговли и коммуникации к выходу в бесконечный виртуальный океан информационных потоков, за которыми теряется какое-либо чувство реальности, то можно сказать, что в качестве воплощения европейского духа как духа текучей безосновности, чистой трансгрессии, пространственного прорыва Петербург представил европейскому миру пример рефлексии о его собственных основаниях.

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч.

² Там же. С. 323.

³ Скидан А. О пользе и вреде Петербурга для жизни. Электронный ресурс: Вавилон. Тексты и авторы. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan7-16.html> (дата обращения: 07.04.2013).